

ЭПИЛОГ

Так уж получилось, что казаки, выделившие из состава экспедиции Фёдора Подтёлкова и Михаила Кривошлыкова, свели воедино и память потомков об этих людях. Людях разных. И по возрасту, и по багажу жизненного опыта, и по уровню образования и культуры, и по силе характера, наконец.

Чтобы понять мотивировку поступков человека, необходимо изучить детали его биографии и те ключевые моменты в ней, которые и сформировали его, как личность. Мы же, по прошествии стольких лет, не можем однозначно подойти и к характеристике самой личности этих людей. Да и стоит ли этим заниматься, неизбежно ошибаясь в столь значимых мелочах, если очевидно главное?

Взлёт Подтёлкова и Кривошлыкова был невозможен без недовольства, вызванного усталостью казачества долгими годами беспросветной войны. Резкими изменениями в настроении казаков, тем недовольством и возмущением, которое копилось едва ли не с первых дней победы Советов на Дону, и выплеснулось спустя два месяца во всеобщее восстание, была predetermined их гибель.

Подтёлков шаг за шагом двигался по выбранному пути, хотя и делал свой выбор после долгих, трудных размышлений. Кривошлыков же, в момент, когда определялась его судьба, оказался в нужном месте и в нужное время. На съезде в Каменской он, по сути, был единственным достаточно образованным делегатом из казаков, который способен был взять на себя обязанности секретаря. И не раздумывал о возможных последствиях ни секунду.

Оба они прошли свой путь до конца.

Подтёлков не был, конечно, стяжателем, рвачом или мародёром. Вероятнее всего, ему и в голову не приходило, что, пропагандируя всеобщее равенство и осуществляя избиение имущих классов, можно в то же время заниматься личным обогащением. Да оно его и не манило. Те эксцессы, которые допускал Подтёлков в период пребывания в «Палас-отеле», являются

скорее следствием определённого культурного уровня и головокругительного карьерного роста. Внешние атрибуты власти прорывались в нём, произвольно и походя. Как свидетельство и демонстрация того, каких высот он, простой казак, сумел достичь.

Но вот сама власть пришлась Подтёлкову по душе. Захватила, завела и уже не отпускала до самого конца. Ради неё допускал он действия, одиозность и жестокость которых не затмил и собственный трагический финал. Ради неё затеял казак игру со смертью, исход которой в конце апреля был почти что predetermined.

Кривошлыков же не стремился к большой власти. Романтика совершающегося на его глазах переворота влекла и манила этого совсем ещё юного человека.

Вероятно, их связывали не только служебные отношения, но и тесная приязнь. Вероятно, Подтёлков покровительствовал Кривошлыкову и как мог, оберегал его. Но стоит ли додумывать и искусственно выстраивать то, о чём мы так мало знаем?

Пусть лучше читатель формирует и основывает своё суждение, опираясь на свидетельства тех людей, которые либо знали Подтёлкова и Кривошлыкова лично, либо черпали информацию из первых уст.

Вот что писали о них современники, находившиеся в то время в обоих лагерях гражданского противостояния и не скрывающие своих симпатий. И неприятия. Воспоминания в чём-то совпадают, а иногда, полярно противоположны, но удивительным образом гармонично дополняют друг друга. Они свежи, яркие, откровенны. И, думается, искренни.

А.В. Мандельштам («Одиссей»): «Я вспоминаю тов. Подтёлкова: здоровенный мужчина, лет 35, который убеждал меня, что он никогда без согласия стариков ничего не делал. Мне казалось это чрезвычайно непонятным тогда. Я его убеждал, что мы не испугались Каледина, не испугались объявить себя правительством, неужели мы с «отцами и матерями» не сможем сговориться. Но я плохо знал быт донского казачества...

Начался для меня совершенно непонятный митинг. Среди моря мужских, женских и детских голов на телеге встал Подтёлков и давай креститься на все четыре стороны. Он начал свою речь с того, что «отцы-станичники, мы сегодня ночью, не спрося вашего благословения, совершили революцию». Я долго слушал его очень спутанную речь, довольно трусливую, и чувствовал, что настроение толпы куда переросло речь Подтёлкова...

После митинга продолжался съезд. У Подтёлкова явилось второе сомнение: «Революцию-то мы совершили, а где у нас средства...»

Съезд не мог решиться объявить себя съездом советов и, вообще, будущая форма правления была покрыта большим туманом. Мне казалось, что в голове Подтёлкова было большое сомнение насчёт установления Советской власти...»

А.А. Френкель: «Подтёлков часто сам говорил: «Грамоте-то я плохо и мало обучен, ведь всё больше военному делу учили...»

Вот как он рассказывает о своей жизни в автобиографии: «...как до государственного переворота, так и после такового я не вступал ни в одну партийную организацию. Я всегда лишь ставил своей целью справедливость и беспощадную борьбу с угнетателями трудящихся масс и, по мере сил, призывал всех трудящихся к сплочению и единению, указывал им, что все они одинаково живут своим трудом и одинаково же были угнетены различными властями и капиталистами...

Гражданскую же войну я понимаю только, как войну одной части трудового народа против другой под влиянием злостной агитации. То же, что происходит сейчас, это, по-моему, не гражданская война, а борьба трудящегося народа с оружием в руках с теми, кто не желает добровольно расстаться с властью и капиталом, похищенными у трудового народа.

Вас же, наши противники, я, по совести, не могу назвать гражданами, а вам только есть одно имя: «Вы – заклятые враги трудового народа».

Работая в различных организациях, я всегда старался убедить таких «граждан», чтобы они добровольно уступили тру-

довому народу то, что он у них требует, но ничего, кроме насмешек, в ответ не получал...»

...Как Подтёлков ни изъяснялся порою нескладно, он, как никто другой, умел подходить к казакам и разговаривать с ними как с фронтовыми, так и стариками. Они внимательно и охотно слушали корявистые, но горячие слова его и великолепно его понимали... Своеобразен был усвоенный им способ рассеивать ведущую злостную агитацию против большевиков-коммунистов.

– Отцы и братья, – спокойно начинал он свою речь, – я ни в какую партию не записан и не большевик. Я стремлюсь только к одному: к справедливости, к счастью и братскому союзу всех трудящихся так, чтобы не было никакого гнёта, чтоб не было кулаков, буржуев и богачей, чтоб всем свободно и привольно жилось... Чем же я виноват, что и большевики этого добиваются и за это борются. Большевики – это рабочие, такие же трудящиеся, как и мы казаки. Только рабочие большевики сознательнее и сплочённее нашего; нас в темноте держали, а они в городах лучше нашего научились жизнь понимать. Выходит, значит, что и я большевик. Но я в партию большевиков не записан...

Высокий, со скулистым и корявым лицом, с узкими, вечно бегающими глазками, плечистый и здоровенный детина, Подтёлков был в товарищеской среде по-детски добродушен.

– Ну что, как, – обычно спрашивал он нас после каждой речи своей, – я хорошо сказал, правильно?..

...Когда ещё в Каменской к нему приставали дряблые казаки, упрекая его, что начинается кровавая война с казаками, «со своими же», он твёрдо, ни на минуту не колеблясь, уже тогда говорил им:

– Ну и что же? Лес рубят, щепки летят. Они контрреволюционеры и наши враги. С контрреволюционерами мы не разговариваем, а боремся. Крови бояться нечего, ежели ты революционер.

...Кривошлыков, который имел громадное благотворное влияние на Подтёлкова, которому последний безгранично до-

верял и слушался постоянно во всём, был натурой иного типа, чем Подтёлков.

Нежный, мечтательный, с душой и думами поэта, он, однако, находил в себе твёрдость и беспощадность к своим врагам.

Разозлённый изумительным хладнокровием арестованного генерала Назарова, он на допросе, горячась, говорил ему:

– Неправильны ваши речи... Вы говорите, что казаки – буржуи и не могут идти с большевиками за Советскую власть, что ваше дело, действительно, народное, казачье.

Но как же тогда понять то, что происходит? У вас все генералы, но нет солдат. У нас же нет ни одного офицера, а солдат, крестьян и казаков к нам приходит так много, что вооружать их нечем. Где же народ, на нашей или на вашей стороне? Нет, обманщики вы и убийцы трудового народа...

...Это была сочная и целостная, совершенно непочатая ещё натура».

Д. Делерт: «Несомненно, одной из самых ярких фигур... был Фёдор Подтёлков. Сам рядовой казак Усть-Медведицкого округа, станицы Усть-Хопёрской, хутора Усть-Кленовского, он был сыном казака, занимавшегося хлебопашеством.

Высокий и плечистый, скуластый лицом, он, когда смотрел, точно пронизывал своими маленькими быстрыми глазками...

...Достигнув призывного возраста, как и все казаки, поступил на военную службу и был послан в гвардейскую батарею, где и занимал должность урядника. Брошенный со своею частью в начале царской войны на немецкий фронт, он в 1915 году был эвакуирован в Новочеркасск.

Здесь атаманом Покотило Подтёлков был отдан под гласный надзор за резкое нарушение военной дисциплины: узнав, что одним из старших офицеров незаслуженно арестован другой офицер, Лоскин, Подтёлков резко выступил на защиту Лоскина и за это поплатился...

Выросший среди казачества, с молоком матери впитавший в себя трепетное подчинениям обычаям и привычкам старины, Подтёлков в тяжёлые минуты раздумья и колебаний не находил в себе силы сломить это влияние прошлого.

Кривошлыков был на лет 10–12 моложе Подтёлкова, но больше его развит. В то время, как Подтёлков брал силой огня своих простых слов, доказывая свои слова личным примером, Кривошлыков был более мягок и вдумчив и не всегда решителен.

...Революционные мысли бродили у него ещё до революции.

...Как-то встретился с Подтёлковым и с ним больше не расставался».

В. Севский: «Был Подтёлков человеком без сказки, таким и в донскую историю войдёт. Уехав из Ростова и, пробираясь к себе на север Дона, он был окружён казаками, восставшими против советской власти.

На Подтёлкова и свиту в несколько десятков казаков, прекрасно вооружённых, пошли с вилами, с лопатами. И Подтёлков сдался. Сдался и Кривошлыков, прапорщик, которому и при советах не удалось побывать в генералах. За широкой спиной Подтёлкова пребывал...»

Н.К.⁵⁰⁷: «...Кривошлыков пошёл добровольцем на австрийский фронт. Поступил он во 2-й Донской казачий полк. Казаки его очень любили, потому что он со всеми обходился товарищески. По воскресеньям у него собирались казаки, он читал им газеты и всё объяснял. Один раз было так: Кривошлыков гулял где-то по улице, а навстречу ему шёл командир полка. Кривошлыков, сделав вид, что не заметил командира, прошёл мимо, не отдав ему честь. Тогда на собрании всех офицеров и командиров этого полка постановили услатить Кривошлыкова куда-нибудь на фронт за неподчинение. Кривошлыков пошёл и всё объяснил казакам. Казаки, как один, заявили, что Кривошлыкова никогда не отпустят, пусть едет сам командир, куда хочет. Это всё происходило, когда полк стоял в Донской области.

...Пал на посту, повешенный контрреволюционерами, – 22 лет от роду».

Н.В. Кривошлыкова⁵⁰⁸: «...В 1916 году студентов первых

⁵⁰⁷ Так подписана заметка о Кривошлыкове, опубликованная в сборнике «Пролетарская революция на Дону». Имени и фамилии автора установить не удалось.

⁵⁰⁸ Сестра Михаила.

курсов мобилизовали в армию и послали в военные училища. Так Михаил попал в Новочеркасскую краткосрочную школу прапорщиков. Там и застала его Февральская революция.

В день, когда в школе узнали о свержении самодержавия, Михаил сорвал со стены царский портрет и публично разорвал его. Об этом напомнил ему в час казни один из бывших однокашников по школе прапорщиков, оказавшийся среди палачей.

...По воспоминаниям старых революционеров И.А. Дорошева, И.А. Ермилова, С.И. Кудинова, брат был самым грамотным человеком в Донревкоме. Часто Ермилов и Кудинов называли его «наш поэт», «наш песенник». «Сколько бы он сочинил стихов, рассказов!» – говорили они о Кривошлыкове. Но революция требовала от моего брата иных произведений. Из-под его пера вышли все без исключения приказы, распоряжения и обращения Донвоенревкома.

– На всю жизнь осталась у меня память об это отважном и удивительно простом человеке, – говорил мне Бердов⁵⁰⁹. – ...Кривошлыков поразил меня, именно поразил, скромностью, душевностью и чистотой... В моём понятии это был классический образ студента-революционера, который беззаветно верил в правое дело... Революция была для него стихией, но он прежде всего оставался ещё и человеком...»

М.Н.⁵¹⁰: «Среднего роста, невзрачный на вид, с шапкой взбитых волос и мало энергичским, но озлобленным лицом, с ленивой нескладной речью и угловатыми движениями, – таковым представляется мне Кривошлыков по воспоминаниям первых дней революционного времени... Будучи совершенно незаметным до переворота, он стал обращать на себя внимание в первые же дни революции не только резкостью и крайностью своих суждений, но и грубой бесшабашностью, разрушительным характером своих поступков. «Революционные» требования по отношению к училищной дисциплине, выпады против офицерского состава и обвинения его в «контрреволюционности»,

⁵⁰⁹ В то время В.Н. Бердов работал шофёром в Новочеркасском центральном революционном гараже.

⁵¹⁰ Так подписана заметка о Кривошлыкове, опубликованная в «Донской волне», № 7. Имя и фамилия автора неизвестны.

снятие со стен и битьё царских портретов, таковы были выступления Кривошлыкова.

...Он не был достаточно образован и, я бы сказал, умён, чтобы приобрести авторитет и своими убеждениями увлечь за собой юнкеров, а его резкие выходы, направленные к уничтожению всего, что напоминало «старый режим», встречали сильный отпор и осуждение...

И если впоследствии по выходу из училища ему суждено было сделаться одним из большевистских комиссаров, то загадку этого на первый взгляд странного явления следует видеть именно в тех чертах характера Кривошлыкова, которые определяются анархичностью его взглядов и действий...»

И.П. Борисенко: «...Подтёлков и Кривошлыков... являлись наиболее яркими представителями той части красного казачества, которая до конца пошла с революцией. Правда, они были не б-ками, а лев. эсерами, здесь сказались социальные корни их революционности, но факт героического поведения Подтёлкова и Кривошлыкова перед смертью в обстановке «казачьего окружения» даёт нам основание думать, что они имели данные к тому, чтобы перерасти в большевиков».

Думается, сказанного вполне достаточно, чтобы составить, по крайней мере, начальное мнение об этих людях.

Что касается Донской Советской республики, то её существование, во всяком случае, формально не прекратилось с падением Ростова и гибелью экспедиции во главе с председателем СНК. Оставшиеся члены Донского ЦИК перебрались вначале в Царицын, где одно время издавался даже совместный печатный орган «Известия ЦИК Донской Советской Республики и Царицынского штаба красной армии».

Однако «царицынские товарищи» вскоре сообразили, что приедем понадобится не только немалый сектор жилищного фонда, но и часть властных полномочий. Отношение к работникам Донского ЦИК день ото дня становилось откровенно негативным. Дело дошло до того, что не только в своей среде, но и в открытой прессе, партийные и советские работники горо-

да презрительно называли их «иногородними». Имели место и действия, которые трудно назвать иначе, как выживанием.

В итоге Донское правительство переехало в, казалось бы, прочно занятую Великокняжескую. Военной силой оно практически не располагало. Остающиеся рычаги административной власти также постепенно переходили в руки командования сформировавшегося Южного фронта. Тем не менее, Донской ЦИК продолжал вести агитационную работу, производить назначения, издавать многочисленные директивы и обращения.

И лишь когда вся почти территория Области была оставлена большевиками, 17 (30) сентября 1918 г в Кремле посчитали нужным издать следующее постановление:

«Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета принял отчёт Донского Советского правительства и, ознакомившись с докладами его членов, постановляет деятельность указанного правительства считать ликвидированной. Органам советской власти тех местностей Донской области, где советская власть существует и устанавливается, предлагается сноситься с центром, впредь до образования нового авторитетного областного органа Советов, через окружные исполнительные комитеты.

Всё делопроизводство Донского Советского правительства и следственный материал по делу финансового комиссариата ЦИК Донской Советской республики передать финан[совому] отделу ВЦИК и секретариату ВЦИК.

Председатель ВЦИК Свердлов»

*Ростов-на-Дону,
2012–2014 гг.*

Приложение

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1918 года 27 апреля (10 мая) выборные от хуторов Каргинской, Боковской и Краснокутской станицы

от Васильевского	Максаев Степан.
„ Боковского	Кружилин Николай.
„ Фомина	Кумов Федор.
„ Верхне-Яблонского	Кухтин Александр.
„ Нижне-Дуленского	Синев Лев.
„ Ильинского	Волоцков Семен.
„ Коньковского	Попов Михаил.
„ Верхне-Дуленского	Родин Яков.
„ Савостьянова	Фролов Алекс.
„ станицы Милютинск.	Февралев Максим.
„ Николаева	Грошев Михаил.
„ станицы Краснокут.	Еланкин Илья.
„ хут. Пономарева	Дьяченко Иван.
„ Евлантьева	Кривов Николай.
„ Малахова	Емельянов Лука.
„ Ново-Земцева	Коновалов Матвей.
„ Попова	Попов Михаил.
„ Астахова	Щегольков Василий.
„ Орлова	Чекунов Гавриил.
„ Климо-Федоровского	Чукарин Федор.

под председательством **В.С. Попова**

ПОСТАНОВИЛИ:

1. всех грабителей и обманщиков трудового народа, поименованных в списке ниже сего в числе 80 человек⁵¹¹, подвергнуть смертной казни через расстреляние, причем для двух из них Подтелкова и Кривошлыкова, как главарей этой партии, смерть применить через повешение;
2. казака хутора Михайловского Антона Калитвенцева за недостаточностью улик оправдать;
3. бежавших из отряда Подтелкова и арестованных в Краснокутской станице: Константина Мельникова⁵¹², Гавриила Мельникова, Ва-

⁵¹¹ Не был учтён Михаил Лукин.

⁵¹² Константин Мельников не являлся дезертиром. Его Подтёлков выслал вперёд в качестве квартирьера. В Рубашкино К. Мельников был захвачен и препровождён в Краснокутскую.